

Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей

Модернизация Запада в Новое время явилась спонтанным органическим процессом, возникшим в результате трех революций — Ренессанса, Реформации и Просвещения. Развитие Запада трудно было повторить, и это удалось после Второй мировой войны немногим странам — Германии, Испании, Португалии, Греции. Три последние до сих пор сохраняют свои незападные черты, делающие их слабым звеном Европейского сообщества и обуславливающие особую остроту экономическо-

го кризиса. Модель догоняющего Запад развития просуществовала до недавнего времени как основная для незападных стран, породив немало успехов, но также иллюзий и разочарований. Современные представления о модернизации не отрицают необходимости заимствования передового опыта Запада и Востока, но в целом ориентируют на такие способы модернизации, которые имеют в виду национальные цели и многообразие путей их достижения, в том числе и поиски собственных методов. В данной ста-

тье будут рассмотрены три примера модернизации и высказаны некоторые соображения о путях модернизации России.

Сингапур

Первый премьер-министр независимого Сингапура, вышедшего из состава Малайзии, Ли Куан Ю рассказывает в своей книге «Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый» [1] о том, какие проблемы преодолевала страна и какие решения ему приходилось принимать. Ли Куан Ю не был теоретиком и даже презрительно относился к тео-

Федотова Валентина Гавриловна — заведующая сектором социальной философии Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН.

рии. Но он был в высшей степени образованным человеком, как и все его министры. Окончил Кембридж. Его идея сделать отделившуюся от Малайзии страну третьего мира Сингапур страной первого мира была мечтой, которой он посвятил жизнь, лавируя между амбициями этносов, притязаниями соседей, классовыми конфликтами и отношениями со странами Запада.

Безусловно, переход из третьего мира в первый может быть назван модернизацией, даже если он осуществляется впервые и не подпадает ни под одну из теорий модернизации. Направляющей всех решений была перспектива нового государства — Сингапура, к которой он устремился, следуя выработанной им двуединой стратегии.

Первая часть стратегии состояла в том, чтобы выйти за пределы региона, подобно тому, как это сделал Израиль, который тоже был маленьким государством, окруженным враждебным исламским миром. И Сингапур жил в окружении недостаточно дружелюбных исламских государств. Еще до начала глобализации Сингапур использовал в своих государственных интересах мировые возможности и связи в сочетании с патриотизмом, который нельзя было подкупить, и верой в демократию, ценность которой нельзя было поколебать.

Вторая часть стратегии была направлена на создание оазиса первого мира в регионе третьего мира. Это не была догоняющая модель, так как Ли Куан Ю стремился выйти на уровень стандартов жизни, безопасности, здравоохранения, образования, транспорта, сервиса, присущих странам первого мира, не превращая своих граждан ни в американцев, ни в англичан, ни в кого-либо другого. Он использовал инвестиции Запада для осуществления нацио-

нальных целей, превратил модель модернизации в национальную. Это были смелые планы в очень отсталой стране.

Когда Ли Куан Ю в 1970-х годах стал осуществлять социальные проекты переселения горожан в индивидуальные, а жителей сел в многоквартирные дома, ситуация, по его описанию, была следующей: «Приспособление к новым условиям давалось нелегко и зачастую вело к комичным, даже абсурдным результатам. Несколько фермеров, разводивших свиней, не могли расстаться со своими животными и забрали их в многоэтажные дома. Надо было видеть, как некоторые из них гоняли свиней по лестницам многоэтажных зданий. Одна семья, в которой насчитывалось 12 детей, переезжая из хижины в новую квартиру... на Олд эйрпорт роуд, взяла с собой десяток кур и уток, чтобы держать их на кухне... Малайцы предпочитали жить поближе к земле. Они разводили овощи вокруг многоэтажных домов, как привыкли в своих деревнях. На протяжении еще долгого времени многие китайцы, малайцы и индусы не пользовались лифтами, а ходили по лестницам... из боязни лифтов. Находились люди, которые пользовались керосиновыми лампами вместо электрического света; другие продолжали заниматься своим старым биз-

несом, продавая сигареты, сладости и всякую мелочь из окон квартир первого этажа... Все эти люди страдали от культурного шока» [2]. Очень важно что это было сказано. Никто из реформаторов в 1990-е годы о культурном шоке нашего народа не упоминал даже.

Несмотря на такие начальные условия, правительство Сингапура призывало иностранцев делать инвестиции. Англичане, голландцы, французы, позже американцы приехали в страну и стали инвестировать не в традиционные отрасли, а в электронный и прочий высокотехнологичный бизнес. Сюда приезжал, например, Б. Хьюлетт из компании Hewlett-Packard, который нашел условия инвестирования, в частности пятилетний мораторий на налоги, а также местоположение Сингапура чрезвычайно выгодными для себя. Бывшие колониальные державы, в частности Британия, имевшая прежде военно-морскую базу в Сингапуре, отступали, и постколониальная эпоха заполнялась новыми игроками с Запада. Сингапурцы умели работать, и это стало одной из важных причин подъема Сингапура. Тайвань и Гонконг были расположены близко к Китаю, в котором происходила «культурная революция», и инвесторы предпочли Сингапур.

В 1970-е годы о промышленных и финансовых успехах Сингапура уже писали американские газеты. Сегодня Сингапур — высокоразвитая в технологическом отношении страна, знаменитая электроникой, сталелитейным производством, химией и нефтехимией, добывающая особое красное золото, центр морской логистики, образования, финансовый центр и пр. Это безопасная, красивая, очень зеленая страна, так что трудно себе представить, что до реформ, до модернизации это была грязная страна

расовой вражды, столкновений, и ее нынешняя пышная растительность — результат озеленения. Расовый мир установлен с помощью экономического подъема, общего рабочего языка — английского, которым владеют все жители, признанием праздников любой из общин (китайской, индийской или малайской) в качестве общенациональных. Имеются столовые и рестораны, где подается еда любой общины и даже корейская, вьетнамская, индонезийская, японская.

Социал-демократическая программа в Сингапуре состояла не в том, чтобы перераспределять общественное богатство путем субсидирования потребления, а в том, чтобы делать это путем накопления собственности: «Даже те, кто не смог завоевать высших наград в рыночной конкуренции, все-таки получали достаточно ценные подарки за участие в жизненном марафоне. Тот, кто хотел потратить накопленные средства, мог продать активы, которыми он владел. Замечательно, что таких людей было немного. Вместо этого люди предпочитали инвестировать и увеличивать стоимость своих активов, используя на потребление только полученный с них доход. Они хотели сохранить свой капитал на „черный день“, а впоследствии оставить его своим детям и внукам», — пишет Ли Куан Ю [3].

Если жители Гонконга, Токио и многих стран Азии получают высокую зарплату и живут в маленьких дорогих комнатухах, то жители Сингапура живут в хороших квартирах, постепенно переходящих им в собственность, и платят за них много меньше.

Особые заслуги Сингапура заключаются в минимальном уровне коррупции, который обеспечивается за счет суровых мер. Ли Куан Ю провозгласил принцип «чистых рук власти», декларировал неумолимость наказания и воспитание в духе отвращения

к коррупции. Он приводит в своей книге пример того, как известный архитектор отравился, желая избежать огласки своих коррупционных действий, потому что ему было стыдно перед людьми.

«Необходимым предварительным условием для существования чистого правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции...» — писал Ли Куан Ю [4]. Наличие в Азии коррупции, взяточничества, кумовства, nepотизма западными критиками воспринималось как общий недостаток азиатских ценностей. По этому поводу Ли Куан Ю заявил: «В Азии есть много различных систем ценностей: индуистская, мусульманская, буддистская, конфуцианская — я могу дискутировать только по

поводу последней. Коррупция и кумовство не входят в конфуцианскую систему моральных ценностей. Наличие обязательств конфуцианского джентльмена по отношению к семье и к друзьям подразумевает, что он помогает им, используя свои личные, а не общественные средства» [5].

Это так лишь в определенной степени, так как прежний Сингапур и другие общества и сообщества не смогли, имея те же принципы, в других условиях победить коррупцию. Ли Куан Ю описывает трудности при формировании правительства накануне своего ухода. Только длительная ориентация на рекрутирование талантливых элит, а не удобных выдвиженцев, позволила сделать задуманное, обеспечить будущее, которое он называет многообещающим, но вместе с тем неопределенным. Сингапур становится

частью мира, основанного на знаниях. Ли Куан Ю объясняет прогресс Сингапура общественным согласием, достигаемым путем справедливого распределения плодов прогресса, системой продвижения по заслугам. «Последнее особенно важно, когда речь идет о людях, возглавляющих правительство» [6].

Малайзия

Как писал Ли Куан Ю, «в своей речи перед партийными делегатами в октябре 1996 г. премьер-министр (Малайзии). — *Примеч. авт.)* доктор Махатхир Мохамад отметил, что некоторые депутаты, стремившиеся попасть на высокие должности, „предлагали взятки делегатам“ в обмен на голоса. Доктор Махатхир выразил сожаление по поводу существования „денежной политики“ и даже расплакался, убеждая делегатов партии „не позволить взяточничеству разрушить малайскую расу, религию и нацию“» [4].

преодолевать предрассудки масс в интересах страны. Махатхир, по его мнению, тащил малайцев от мракобесия к науке и технологии, к применению компьютеров и Интернета, к образованию, открыл им видение будущего. Большинство малайцев, все китайцы и индусы Малайзии хотят именно такого будущего, а не возврата к исламскому экстремизму, — подчеркивал Ли Куан Ю. На эту оценку ссылаются авторы предисловия к книге Махатхира «Путь вперед». Здесь же говорится, что его книга о любви к своему народу, о строительстве современной Малайзии, «о многогранной и плодотворной деятельности руководства страны по экономической, социальной, культурной и этнической трансформации бывшей отсталой колонии, производившей в основном пальмовое масло и оловянную руду, в одного из „азиатских тигров“, в страну с динамично развивающейся современной экономикой, социальной сферой и культурой» [7]. Эти преобразования в итоге оказались столь успешными, что в Англии стала издаваться серия книг «Routledge Malaysian Studies Series». Но этому предшествовали годы мучительных преобразований, нередко проводившихся правительством методом проб и ошибок.

В 1969 г. в Малайзии, в ее столице Куала-Лумпуре вспыхнули ожесточенные расовые столкновения между китайцами и малайцами. Коренное население страны с момента получения Малайзией независимости в 1957 г. не продвинулось в своем развитии, было наиболее отсталым и занимало самое низкое место в экономике. Здесь преобладали китайцы, более успешными, чем малайцы, были и индусы. Сами малайцы отрицали за собой способности к коммерции, занимались сельским хозяйством или уличной торговлей, не знали иных функций денег, кроме обращения. Экономика Малайзии росла, но малайцы мало участвовали в этом и в получении плодов развития.

В качестве реакции на расовые столкновения, вызванные неравномерностью развития рас, Национальный совещательный совет Малайзии начал подготавливать Новую экономическую политику, рассчитанную на 20 лет и направленную на реструктуризацию экономики и достижение более равномерного распределения национального богатства. Целью провозглашалось привлечение малайцев к экономической деятельности. Этот совет состоял из представителей всех рас с тем, чтобы обеспечить повышение жизненного уровня малайцев без его снижения у других рас и не допустить экспроприации собственности у китайцев и индусов. Новая экономическая политика (НЭП) была начата в 1971 г.

Махатхир взял на вооружение метод «позитивной дискриминации», который незадолго до этих событий возник в США. Это был способ защиты афроамериканского и испаноговорящего населения США с помощью аффирмативных акций и тем самым частичного ущемления интересов более успешной части населения, введенный Л. Джонсоном в 1965 г. Но о нем еще мало знали.

Ли Куан Ю не всегда был согласен с Махатхиром, но признавал его выдающееся значение, его решительность, позволявшую

При реструктуризации общества с целью достижения равенства и справедливости Махатхир отрицал как опыт развитого капитализма, так и опыт социализма. Малайцы составляли 56% населения, а их доля в национальном богатстве страны была равна 2,4%, но должна была увеличиться лишь до 30%. В то же время доля немалайцев должна была вырасти с 34,3 до 40%, а доля иностранцев — уменьшиться с 63,3 до 30%. Чтобы вступить в экономику иного типа, чем та, которая была им известна, малайцы должны были получить образование, быстрее заняться бизнесом, в том числе крупным.

«Будучи на грани отчаяния, — писал Махатхир, — правительство решило учредить компании, находившиеся в государственной собственности, с тем, чтобы проложить дорогу в те сферы бизнеса, для работы в которых малайцам не хватало капитала и знаний. Правительствам всех штатов было предписано создать государственные корпорации экономического развития... В свою очередь эти корпорации учредили компании, которым был предоставлен статус компаний, принадлежавших малайцам... Они получили право заниматься разработкой государственных природных ресурсов: заготовкой древесины и добычей полезных ископаемых» [8].

Новая экономическая политика не предусматривала экспроприации собственности немалайцев, а перераспределение национального богатства происходило из-за того, что увеличивался сам «экономический пирог». Надо было позаботиться, чтобы его раздел шел с учетом экономической отсталости малайцев. Правительство стремилось пресечь действия тех малайцев, которые, не понимая в коммерции, спекулировали своими акциями, поскольку эти акции могли принести им несравненно больше, чем они выручали при продаже.

В 1977 г., пытаясь распределить акции компаний среди малайцев и предотвратить переход этих акций в руки немалайцев, правительство решило создать инвестиционные фонды. В марте 1978 г. была создана Национальная акционерная корпорация с выплаченным правительством капиталом в размере 3 млрд ринггитов. Портфели акций помещались в открытый Национальный инвестиционный фонд, акции которого продавались малайцам. Успех в перераспределении национального богатства в пользу коренных жителей был феноменальным. К концу 1990 г. почти 5,1 млн малайцев приобрели акции. Участие малайцев в экономике страны стало более широким и равномерным. Малайцы не стали богатыми, но таковой не была и большая часть немалайцев. Однако инвестиционный фонд позволил большому числу людей получить долю в национальном богатстве страны и повысить доходы. НЭП не ставила задачи полностью изменить пропорции в распределении богатства между представителями различных рас. Ее целью было добиться, чтобы пропорции между бедными и богатыми малайцами были примерно такими же, как и между бедными и богатыми немалайцами [9].

Малайское деловое сообщество медленно, но все же формировалось. Желая ускорить этот процесс, правительство изменило стратегию. Это было связано с классовыми конфликтами среди малайцев. Было невозможно продолжать действовать, увеличивая собственность малайцев-предпринимателей и игнорируя рабочих, как малайцев, так и немалайцев. Иностранным инвесторам было разрешено

единолично владеть компаниями, что увеличило приток инвестиций, были созданы новые рабочие места, уменьшилась безработица. Стали строиться дороги, аэропорты, порты, электростанции, системы телекоммуникаций и водоснабжения. Они должны были поспевать за нуждами развития экономики и государства в целом. Повышение уровня жизни населения Малайзии способствовало росту его запросов.

В ходе приватизации малайцам была выделена доля в собственности компаний. Появились малайские компании, предприниматели и руководители-малайцы, вводились меры против расовой монополии на отдельные виды экономической деятельности. Обеспечивалось представительство всех рас во всех сферах экономики при стратегии приватизации. НЭП ликвидировала

ла экономические причины расовых столкновений в малайзийском обществе, хотя малайцы получили в результате НЭПа не 30, а 20% в сфере крупного бизнеса. Но политика национального развития с 1987 по 1996 г. обеспечила средние темпы роста экономики Малайзии до 8%. «Позитивная дискриминация» в пользу малайцев оказалась полезной всем. Махатхир написал: «Мало сделать правила игры одинаковыми для всех — надо еще добиться, чтобы игроки были под стать друг другу. Если игроки не равны, следует дать фору в виде дискриминации в пользу слабых за счет сильных игроков, обладающих преимуществом... Важно не слепо следовать принципу, а применять его, отдавая себе отчет в том, что его воплощение в жизнь может привести к тем самым результатам, которые применение этого принципа должно предотвращать» [10].

Были осуществлены перемены в сфере культуры, в системе ценностей, которую выработала та или иная группа людей. Те народы, чья культура совместима с преуспеванием, добьются успеха, а те народы, чья культура несовместима с преуспеванием — нет, утверждал Махатхир. Ему удалось изменить культуру малайского народа благодаря честности его политики, а также тому, что малайцы не оказались обойденными в ходе модернизации.

Рекультивация — это не навязывание массам новой идеологии, как произошло в России, а создание условий для новых практик. «Чтобы успешно воплотить в жизнь НЭП, было необходимо, чтобы крестьяне и мелкие торговцы-малайцы усвоили систему ценностей делового сообщества, поднялись до уровня промышленников и коммерсантов в культурном плане» [11]. Культурная трансформация малайцев сделала их весьма отличными от их предков, но оставила малайцами, позволила сохранить свою культуру. Изменилась их де-

ловая культура, они стали другими людьми, прежде всего приобрели уверенность в себе. Благодаря усилиям государства удалось не допустить победы жадности над экономическими интересами, избежать контроля криминала в экономике.

Изменения в Малайзии были постепенными, хорошо продуманными. Смена системы общественных ценностей была обеспечена успешной реализацией НЭПа, а не наоборот: не смена ценностей обеспечила НЭП. В России этого не понимают, идет постоянная политизация, а не изменение хозяйственной культуры в реальных практиках. Культура крестьян и мелких торговцев преобразовалась в Малайзии в культуру коммерческого и индустриального общества. Перемены особенно проявились во втором поколении малайцев — образованных и не связанных с крестьянским трудом или мелкой торговлей. «Важно, — говорит Махатхир, — что удалось продемонстрировать, что те ценности, которые исторически составляли основу малайской культуры, не являлись ни врожденными, ни вечными» [11].

Китай

Представляет интерес Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае за 2001–2010 гг., подготовленный Китайской академией наук [12]. Теоретическое введение и десять теоретически обоснованных ежегодных докладов характеризуют китайскую модернизацию не как догоняющую Запад, но как заимствующую позитивный опыт Запада и не-Запада, ориентируясь на четко артикулированное понимание национальных интересов. Эта модель может быть названа национальной [13].

Методология китайских реформ — постепенность и учет националь-

ных условий. Это «золотое правило реформ», отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним. Что же принято за реальность в мышлении китайских реформаторов? В одном из докладов утверждается: «Оценить благополучие эпохи возможно, только находясь в ее авангарде. Главные возможности, открываемые эпохой, удаётся ясно осознать, только двигаясь с опережением. Даже великая нация может начать двигаться в сторону упадка, если она не способна воспользоваться такими возможностями. Цивилизованная нация может деградировать, если она не способна сама сознать возможности, предоставленные временем. Экономика знания (основанная на знаниях) и модернизация представляют собой одно из главных направлений движения мира в XXI веке» [12].

И Китай стремится к 2050 г. достичь среднеразвитого уровня, а к концу XXI в. войти в десятку самых развитых стран. Если нечто принято за реальное, то оно реально в своих последствиях, как гласит теорема Томаса. Период перехода Китая к современности, его интенсивной модернизации в научной литературе относят к первой половине XX в. — 1900–1950 гг. Это время становления китайской современности. Китайское государство этого периода рассматривается как субъект линейного развития страны, многотысячелетней истории Китая, в ходе которой формировалась специфическая китайская идентичность.

В 1928–1937 гг. Китай повернул к индустриализации, которая сегодня ускоренно возобновлена как мегаиндустриализация, охватывающая небольшие города и сельскую местность вдоль береговой линии. Эта политика сейчас провоцирует внутренние миграционные потоки из крупных городов, где высока безработица, в индустриальные районы, где

мигранты испытывают немалые трудности [14].

Представляет интерес концепция Л. Ли, который вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследствие революции убедительно показывает неполитический характер китайской модернизации этого периода [15]. Модернизация началась, по его мнению, не в Пекине — городе старинных нравов, а в Шанхае.

Ответственный редактор книги, суммируя идеи Ли, отмечает следующие черты специфики шанхайской модернизации: наличие городской культуры, способной соответствовать рынку; продолжение китайского прошлого; новые формы материальной культуры — утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии; новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления.

По мнению автора введения к названной книге, имплицитным в концепции Ли «является аргумент, что современность (первой половины прошлого века. — *Примеч. авт.*) осуществляется скорее через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни... через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции. Современность возникла, не порывая с прошлым, без мобилизации масс в политические движения (как это было в незападных странах при догоняющих Запад модернизациях. — *Примеч. авт.*), а как сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданием, чтением, рекламой, потреблением и т.д. Современность была материальной трансформацией повсед-

невной жизни для сотен и тысяч людей...» [16].

Доклады о китайской модернизации подтверждают верность этой традиции — не порывая с прошлым, как в России, и руководствуясь китайской идентичностью, китайцы осуществляют новый виток модернизации не на основе политических реформ, а на основе изменений в хозяйственной жизни.

Профессор Йельского университета И. Селеньи говорит о «капитализме снизу» в Восточной Азии. Действительно, хозяйственные навыки в Китае превращают граждан в активных предпринимателей. «Государство играет очень важную роль в создании и в регулировании капиталистической экономики и в дирижировании ею» [17], но мотор модернизации — само население.

«Капитализм сверху» — это посткоммунистические страны Восточной Европы и Россия. Здесь произошел ускоренный переход к капитализму. Время мобилизаций закончилось, цель государства видится в создании образа будущего. Заметим, что у нас была попытка сделать то, что китайцы сделали за 25 лет, без предпосылок хозяйственной активности масс и без образа будущего. «Капитализм извне» строится иностранным капиталом, транснациональными корпорациями. Эта модель, по мнению Селеньи, характерна для стран Балтии, Венгрии, Чешской Республики. Здесь строится либеральный капитализм, но велика зависимость от Запада.

На вопрос, что же получится в результате китайской модернизации — социализм или капитализм, наилучший ответ дал Дж. Арриги в своей книге «Адам Смит в Пекине». Он выделяет капиталистический путь развития, который характерен для Запада, и некапиталистический рыночный

путь развития в Китае. Этот путь имел место в Китае в XVII в., и он же реализуется здесь сегодня, утверждает Арриги. Он говорит, что, если Китай не построит капитализм, это не будет означать, что он построил социализм. Если же он не построит социализм, это не будет означать, что он построил капитализм [18]. Не исключено, что термин «капитализм», введенный В. Зомбартом в 1902 г., исчезнет, как и гораздо ранее возникший термин «социализм».

Представленной в десяти докладах концепции китайской модернизации предшествует обсуждение модернизационных теорий и историй протекания модернизации в 131 стране мира. Профессор Хэ Чуаньци выделяет первичную и вторичную модернизацию. Первичная модернизация характеризуется индустриализацией, вторичная — переходом к информационному, постиндустриальному обществу. И наконец, есть стадия интегральной модернизации, которая координирует задачи первичной и вторичной модернизации. Признавая временную последовательность первичной и вторичной модернизации, он считает важной для Китая интегральную модернизацию, совмещающую обе задачи.

Подобно броделевскому «Средиземноморью», «река Янцзы» в рассматриваемых докладах выступает символом китайской идентичности и китайской цивилизации, ее главной артерией, а успехи модернизации ориентированы на ее символический образ. В докладах экономическая модернизация не занимает первого места, несмотря на лидирующие позиции в экономике. Исключительное внимание, особенно в последнем докладе, уделяется социальному, культурному, человеческому, символическому потенциалу. Уже в ходе модернизации первой половины XX в. культура Китая, в том

числе ее способность открыться другим культурам, рассматривалась как важнейший фактор модернизации, это заметно и сегодня. Мы же только после неудач реформ 1990-х согласились со значением культуры, которое упорно отвергалось в ходе российских реформ. Положительное значение нашей неудачи для нас самих и для мира в целом состоит в том, что «культура имеет значение» [19].

Китайское общество стало более демократичным, горизонтальная и вертикальная мобильность формирует его новую конфигурацию и его стратификацию. Почему то, что получилось в Китае — гигантский рост экономики, улучшение жизни людей, одновременное решение задач индустриализации и развития постиндустриальных форм «экономики знания», — не получилось пока в России? Главное в том, что они не утрати-

ли самоуважения за долгие годы неудач.

В 1776 г. Адам Смит написал в своем знаменитом труде о богатстве народов: «Владелец земли по необходимости является гражданином страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран» [20]. Новый способ хозяйствования уже тогда на базе только английского опыта был понят как мировая система хозяйства. Китай устремлен в будущее и осознает свою роль в нем. В то время, когда глобализация представлялась многим победой капитала над национальными интересами незападных стран, Китай стал чемпионом глобальной экономики.

Доклад 2010 г. посвящен контурам всемирной модернизации в 1700–2100 гг. Далекое прошлое

вместе с далеким будущим составляет основу нового понимания времени в Китае, обусловленного спецификой его модернизации и создающего эту специфику. В Китае и в мире много противоречий, и не все может получиться, но верится, что в стране, где мыслят в таких масштабах времени, многое будет осуществлено.

Итак, мы увидели три примера чрезвычайного подъема с низкого старта. В основе их лежат честность власти и элиты, искренне стремившихся осуществить свои планы и мечты, понимание того, что и хорошие намерения могут привести в ад, противостояние неудачам, их открытое признание, отсутствие фальшивых лозунгов, типа «Мы дали вам свободу, делайте, что хотите, а не получается — сами виноваты». Лидеры рассматриваемых стран создали дополнительно к свободе условия ее честного использования.

Россия

Идея выращивания хозяйствующего субъекта и роли государства в устранении коррупции и криминала в обществе и бизнесе, выступающая как основа описанных модернизаций, подменяется в России поисками адекватного ей политика. Но сегодня видно, что в указанных странах политические решения удавались при условии решения экономических проблем и в ситуациях, казавшихся безнадежными. Нам не хватает *мечты* Ли Куан Ю, *любви* к своему народу Махатхыра, *знания своих целей и образа будущего* китайцев.

Многие оценки перестройки, равно как и 1990-х годов, чрезвычайно близки к неолиберальной трактовке свободы — она понимается как свобода от всего, не различается «свобода от» (от принуждения, от подавления, от нужды) и «свобода для» (для того, чтобы осуществить какой-то проект, план преобразования, реформу, сделать какое-то ранее невозможное дело). Режим Б.Н. Ельцина критикуют как обрыв перестройки, как будто не видя, что «свободы от» в нем было гораздо больше, даже больше «свободы для» слома социализма, перехода к капитализму.

Эта свобода ельцинского режима может быть охарактеризована понятием «анархический порядок». Данный порядок продлился до дефолта 1998 г. Преобладание либертариистских и только либертариистских оценок значимости перестройки в условиях провала как правых, так и левых сил на российской политической арене является невыученным уроком посткоммунистических реформ, упрощением возможностей, первоначально вдохновлявших М.С. Горбачева. Попытка ввести хозрасчет оказалась ошибкой — власти не учли особенностей психологии людей,

не привыкших к самостоятельному хозяйствованию. Невиданный рост цен, устанавливаемых каждым предприятием ради повышения зарплаты, а не ради развития производства, массовое разворовывание производств (против чего не было принято никаких мер) — все это предпосылки идеи неререформируемого социализма и необходимости его незамедлительного слома.

Два автора — американец С. Коэн и (неожиданно) соратник М.С. Горбачева В.Б. Кувалдин — оценили перестройку по-новому и с позиций сегодняшнего опыта России и других стран. Коэн не обнаруживает никаких эмпирических и теоретических оснований для утверждения, что советская система была неререформируемой. Он вскрывает риторику этой популярной фразы и показывает, что система в значительной мере реформировалась после Сталина, не перестав быть советской. В 1930-е годы в стране был рынок, но система была советской. Она имела сколько угодно возможностей продолжить дальнейшую либерализа-

цию коммунистической идеологии, заметим, уже не игравшей прежней роли. Но слова еще держали старый порядок, союз народов, и холодная война обязывала к конфронтации.

В. Медведев задался вопросом: почему перестройка, заметим, вызванная в основном экономическими проблемами и лишь отчасти желанием гласности, свободы слова и печати у интеллигенции и стремлением к «правде» у народа, не могла развернуться по китайской модели? Его ответ: экономический подъем требовал слома советской системы. Ответ нелепый. Почему же тогда он не потребовал слома «китайской системы»? Почему на вопрос, как относиться к слому коммунизма в России, китайская элита отвечала: «Это внутреннее дело России» и не сходилась с позиций своей новой доктрины «социализма с китайской спецификой»?

Коэн пишет, что внедрить элементы капитализма в советскую систему было труднее, чем элементы социализма в Америку 1930-х годов, но это было возможно, как показал опыт Китая и Восточной Европы, имеющих более серьезные политические ограничения. Удивительно, что американскому гражданину Коэну видно то, о чем мы забываем сами, изображая 70 лет коммунизма как провал российской истории, то есть провал той жизни, которой мы жили, несмотря на все последующие политические размежевания: «Западные обозреватели могут не понимать разницы между абстрактным „коммунизмом“ и полнотой жизни реальной советской системы, или „советизма“, но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и в этом они были солидарны с Горбачевым, что „коммунизм — это не Советский Союз“» [19].

Коэн показывает, что не только рядовые коммунисты, но и оппо-

зиционно настроенные к Горбачеву коммунисты-консерваторы были способны адаптироваться к его политике. Кувалдин считает, что перестройка разворачивалась по схеме «революция сознания — политическая реформа — экономические преобразования».

Сегодня он делает следующие выводы из неуспешности перестройки и, добавим, нашей посткоммунистической модернизации в целом: «...в начале „горбачевского этапа“ перестройки объективное соотношение сил в обществе позволяло приступить к глубоким экономическим преобразованиям, не затрагивая политическую сферу... концентрация сил на хозяйственном фронте была не только возможна, но и необходима... на оселке экономических преобразований можно было проверить на дееспособность в новых условиях политическую систему советского общества, наметить перспективные пути ее трансформации... по возможности их (экономические реформы. — *Примеч.авт.*) надо было осуществлять до политической реформы, чтобы не создавать гремучую смесь массового недовольства и организованного протеста... порожденные реформой новые хозяйственные объекты раньше или позже потребуют политического представительства своих интересов; отныне они — факторы не только экономического, но и политического процесса. И это будут не адепты „социалистического выбора“» [19].

Ли Куан Ю так описывает свою встречу с М.С. Горбачевым и впечатления от его реформ: «У Горбачева не было уверенности в том, какие шаги следовало предпринять, чтобы решить почти неразрешимые проблемы. Я подумал, что он совершил фатальную ошибку, начав кампанию гласности до перестройки экономики, и что Дэн Сяопин проявил куда большую мудрость, поступив в Китае наоборот» [1].

Может быть, кипение сегодняшних митингов подтолкнет власть к изучению успешного опыта развития других народов, которые были гораздо более отсталыми, чем мы.

ПЭС 12023/16.02.2012

Литература

1. Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый. М.: МГИМО-Университет, 2010.
2. Там же. С. 59.
3. Там же. С. 66.
4. Там же. С. 101.
5. Там же. С. 267.
6. Там же. С. 413.
7. Махатхир М. Путь вперед. М.: Харвест. 2009.

8. Там же. С. 13.
9. Там же. С. 16.
10. Там же. С. 66.
11. Там же. С. 84.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русского издания — чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2011.
13. Федотова В.Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социологический ежегодник — 2010. М.: ИНИОН РАН. С. 63–80.
14. Resurgent China. Issues for the Future. Ed. by Nazkul Islam. L.: Palgrave Macmillan. 2009. P. 7.
15. Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Shonghai. Some Preliminary Exploration// Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond. Ed. by Wen — HSIN Yen. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press. 2000.
16. Там же. С. 7.
17. Селеньи И. Строительство капитализма без капиталистов — три пути перехода от социализма к капитализму: Лекция (14 марта 2006 г.) // Русские чтения. Вып. 3. 2006 (январь–июнь). С. 98.
18. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественно-го проектирования, 2009.
19. Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ / Сост. В.Б. Кувалдин. Отв. ред. А.Б. Вебер. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
20. Smith A. An Inquiry of the Nature and Cause of the Wealth of Nation. Chicago: Chicago University Press. 1976. Vol. 2. P. 375–376.

